

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГРАММАТИКЕ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ
(12—14 декабря)**

Предварительные материалы

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И РЕКОНСТРУКЦИЯ СИСТЕМЫ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ СМЫЧНЫХ

1. Реконструкции индоевропейской фонологической и морфологической систем проводились главным образом на основе ретроспективного движения от исторически засвидетельствованных родственных систем к постулируемой общей исходной системе путем применения метода сравнительной (внешней) и внутренней реконструкции. При этом последовательно не учитывались типологические критерии лингвистического вероятия постулируемой системы. Даже и в тех случаях, когда реконструкция практически проводилась с соблюдением лингвистического вероятия, она не являлась результатом осмысленного проведения определенного методологического принципа. В некоторых же случаях, например, у Соссюра, при реконструкциях, основанных на внутрисистемных данных, принцип лингвистического вероятия считается по существу иррелевантным для реконструируемой системы.

2. Типологическая верификация реконструируемой модели должна являться одним из основных принципов постулирования исходной языковой системы на основе сравнения и сопоставления исторически засвидетельствованных систем. Ретроспективно выведенная на основе правил внешней и/или внутренней реконструкции исходная языковая система не может считаться лингвистически вероятной, если она противоречит типологическим данным. Из двух или более возможных реконструкций предпочтение следует отдать той реконструкции, которая больше соответствует синхронным типологическим данным.

Но и соответствие реконструированных структур универсальным синхронным типологическим структурам не дает еще окончательного доказательства реконструированной модели. Необходимым моментом типологической верификации и тем самым оправдания вероятия предполагаемой модели является согласие ее и с данными диахронической типологии, то есть соответствие моделям преобразований языковых структур, установленным в процессе изучения исторических языковых изменений.

3. Система индоевропейских смычных восстанавливается традиционно в виде 3 серий: звонкие (I), звонкие придыхательные (II), глухие (III). При этом серия звонких смычных считается дефектной вследствие отсутствия лабиального *b, ср. неполную систему локальных рядов, где для простоты изложения указан только один ряд заднеязычных:

I	II	III
—	bh	p
d	dh	t
g	gh	k

Эта система смычных вызывала возражения со стороны целого ряда исследователей, и в первую очередь, Педерсена, который объяснял отсутствие *b* в общиндоевропейской системе более ранним передвижением согласных (возникновение индоевропейских чистых звонких и соответствующих глухих) и утерей *p* в раннеиндоевропейском (Vogindogermanisch). По Р. Якобсону эта система вызывает возражения с типологической точки зрения ввиду отсутствия глухих придыхательных при наличии звонких.

Реконструированная в традиционном духе система индоевропейских смычных типологически уязвима ввиду отсутствия в ней лабиального члена в серии звонких смычных. Согласно новейшим типологическим данным (И. Меликишвили), в системах с противопоставлением смычных по признаку звонкости-глухости маркированным членом в серии звонких является веллярная (но не лабиальная) смычная, в серии (сериях) же глухих смычных маркированной является лабиальная (но не веллярная) смычная. В соответствии с этим пустая клетка в серии звонких может быть только в веллярном ряду, тогда как в серии (resp. сериях) глухих пустым может быть только лабиальный ряд.

В соответствии с этими универсальными характеристиками систем смычных следует реинтерпретировать реконструируемую систему индоевропейских смычных фонем, то есть традиционную серию индоевропейских звонких с пустым (*b*) следует интерпретировать как незвонкую серию (И. Меликишвили).

4. Рассмотрение в соответствии с синхронными типологическими данными традиционной серии звонких как незвонких требует полного пересмотра и реинтерпретации системы индоевропейских смычных. Особое значение при подобной реинтерпретации имеет такое определение дифференциальных признаков, противопоставляющих 3 серии индоевропейских смычных, которое бы соответствовало данным как синхронной, так и диахронической типологии.

5. На основании частоты встречаемости фонем I серии по сравнению с фонемами III серии и учитывая отсутствие в серии лабиального члена представляется возможным реинтерпретировать традиционные звонкие (I серия) как (незвонкие) глоттализированные, а традиционные глухие — как глухие придыхательные.

В результате получаем следующую систему индоевропейских смычных:

I	II	III
—	<i>bh</i>	<i>ph</i>
!	<i>dh</i>	<i>th</i>
<i>ḳ</i>	<i>gh</i>	<i>kh</i>

6. Постулируемая система полностью соответствует синхронным типологическим данным (отсутствие лабиальной глоттализированной фонемы, которая является функционально самым слабым членом в группе незвонких согласных; наличие глухих аспирированных при звонких аспирированных).

7. Из постулированной исходной системы можно последовательно и непротиворечиво вывести систему исторических индоевропейских языков с учетом данных диахронической типологии. В языках, традиционно определявшихся как языки с *Lautverschiebung* (германский, армянский, хеттский), серия I (глоттализированные) сохраняет признак незвонкости (с возможной утерей признака глоттализации); серия II (звонкие придыхательные) переходит в чистые звонкие в результате утери аспирации (с дальнейшим оглушением в собственно хеттском — после общепаннолийского периода); серия III (глухие придыхательные) сохраняется в армянском и хеттском и в определенных позициях (после начального *s-*) в германском, где в других позициях спирантизуется.

Языки, традиционно определявшиеся как системы с *Lautverschiebung*, оказываются более близкими в отношении консонантизма к общеиндоевропейскому состоянию, чем остальные языковые системы (ср. ранее высказывавшееся мнение Лемана, основанное на других данных, о консерватизме германской фонологической системы). В этих последних исходные глоттализированные (серия I) озвончаются (ср. типологически озвончение глоттализированных в ряде северо-кавказских языков). Возникает серия звонких смычных, которая дополняется по необходимости закономерно отсутствующим в исходной глоттализированной серии лабиальным членом. Источником такого *b* в этих системах является дезаспирированное *b* из второй серии (либо в результате общей дезаспирации звонких придыхательных, как в языках типа славянских, либо в результате комбинаторной дезаспирации, закон Грасмана), отдельные случаи озвончения рефлексов III серии (типа лат. *bibo*, скр. *píbatí*), заимствование слов со звонким *b* и др. Характерно, что этимологии с общим **b* обнаруживаются только для диалектов этой группы.

В них же III серия подвергается дезаспирации, переходя в чистые глухие во всех позициях (кроме позиции перед ларингальным и после *s-* в древнеиндийском). II серия (звонкие придыхательные) сохраняется только в древнеиндийском (ввиду наличия в системе глухих придыхательных), оглушается в древнегреческом и в итальянском, где отсутствовал параллельный ряд глухих придыхательных, еще раньше перешедших в соответствующие непридыхательные; серия звонких придыхательных, оставшаяся без коррелятивной серии глухих придыхательных, закономерно преобразуется в глухие придыхательные, в результате чего возникает типологически допустимая система с единственным рядом глухих придыхательных.

В остальных диалектах II серия дезаспирируется.

8. Фонологическая интерпретация постулируемой системы. Реинтерпретация III серии как глухих придыхательных, объясняемая характером рефлексов фонем III серии в исторических языках, заставляет интерпретировать названные фонемы I серии с отсутствующим лабиальным членом именно как глоттализированные (а не как, допустим, чистые глухие), поскольку, согласно новейшим типологическим данным, при наличии противопоставления аспирированной — неаспирированной серий в группе незвонких лабиальный член может отсутствовать

только в серии придыхательных, тогда как при противопоставлении придыхательной – глоттализованной серии лабиальный член может закономерно отсутствовать только в глоттализованной серии (но не в придыхательной).

II серия интерпретируется как звонкие придыхательные с учетом рефлексов этой серии в исторических языках. В результате получается система с 3 сериями смычных, определяемыми как I – глоттализованные, II – звонкие придыхательные, III – глухие придыхательные. Признак аспирации в такой системе является в сущности фонологически нерелевантным, поскольку II и III серии противопоставляются друг другу не аспирацией, а по признаку звонкости–глухости. Признак аспирации является в данных сериях сопутствующим фонетическим признаком фонем. Со строго фонологической точки зрения можно было бы охарактеризовать эти 3 серии как (глухая) глоттализованная – звонкая – глухая чистая. Однако фонетический признак аспирации является существенным признаком фонем данных серий, объясняющим их диахронические преобразования и окончательные рефлексы в исторических языках. Фонетические признаки фонем играют особую роль при диахронических фонемных преобразованиях и учет и описание их наряду с фонологическими признаками должен быть обязательным принципом диахронической фонологии.

9. Фонетический признак аспирации в сериях звонких и в особенности глухих фонем, характеризовавший их реализацию, представляется возможным связать с фонетической реализацией признака глоттализации в фонемах I серии. Типологические соображения дают возможность судить о взаимосвязи этих признаков. Слабая степень глоттализации фонем I серии, предполагаемая для индоевропейского на основании типологических данных (языки типа современного грузинского), должна была обусловить сильную аспирацию глухих фонем (III серия), чем и достигался их максимальный контраст при реализации.

По всей видимости, слабой степенью глоттализации и соответственно интенсивности фонем I серии в индоевропейском объясняется утеря признака глоттализации в исторических языках (армянский, германский, хеттский) с последующим озвончением во всех остальных индоевропейских диалектах.

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ТЕРРИТОРИИ ОБИТАНИЯ И ПУТЕЙ МИГРАЦИИ НОСИТЕЛЕЙ ДИАЛЕКТОВ ОБЩЕИНДООЕВРОПЕЙСКОГО ЯЗЫКА

1. Анализ индоевропейской лексики и реконструированных фрагментов текстов дает возможность установить относительно высокий уровень материальной культуры (значимость не только скотоводства, но и земледелия, продукты которого использовались и в таких ремеслах как тканье, ср. термин для 'льна'; знакомство с металлами, в частности с бронзой; развитость техники транспорта), духовной деятельности (ср. в особенности результаты восстановления общеиндоевропейских метрических форм и поэтического языка), ритуала (представленного в необычайно разветвленной жреческой терминологии) и социальных отношений. Следует особенно обратить внимание на наличие терминов, обозначающих богатство, связанное с торговлей- (хет. *ḫar-* и производные, лат. *ops*, др.-инд. *apnaḥ*), специальных обозначений обездоленных или нищих (хет. *a-šiu-ant-*, по внутренней форме соответствующее терминам типа слав. **ne-bogъ*), лишенных наследства, воров, а также на терминологизированное противопоставление свободных — несвободных. Реконструируется наличие 3 или 4 социальных рангов, соотносившихся с символической и мифологической классификацией и с определенными ритуалами. Для типологической характеристики существенно наличие ранга жрецов.

2. Весь характер общеиндоевропейской культуры и социальных отношений указывает на близость данной культуры к древневосточным цивилизациям. Но наряду с существенными сходствами этих цивилизаций, для которых характерна роль жречества, обнаруживается ряд типологически важных для древневосточных культур взаимосвязанных категорий, несовместимых с общеиндоевропейскими данными. Для общеиндоевропейского характера отсутствие письменности, государственной организации (термин для 'царя', лат. *rex*, др.-инд. *rājā*, обозначает первоначально только сакрального царя), искусственной ирригации, сословия торговцев, противопоставленного другим рангам. Причиной отсутствия письменности при наличии жречества и достаточно высокой социальной организации могло быть то, что хозяйство не требовало еще особого учета, так как не стало еще достаточно развитым и разветвленным; не было единой государственной власти, объединившей все общины. По-видимому, не было и предполагающей централизованную власть большой системы искусственной ирригации (ср. позднее проникновение егип. *mr* 'канал' в отдельные диалекты: хет. *amiḫara* 'канал', уже в хеттских законах, греч. гомер. *ἄμῆρα* 'ров, канава, канал', Ф 259, *Ἄμῆρουπος*, обозначение места, связанного с водоснабжением Эретрии). При наличии централизованной государственной организации, связанной с фиксированной в письменности культурой, не произошли бы столь широкие миграции индоевропейских племен из первоначальных

областей их расселения. Этот фактор содействовал в существенной степени распаду общеиндоевропейского единства и самостоятельному развитию диалектов.

4. Наличие общеиндоевропейских терминов для животных (др.-инд. *siṃha* 'лев', арм. *inj*) и растений (авест. *varəda*, гр. *ῥόσος* 'роза'; названия 'лозы', 'винограда' и 'вина', 'риса'), распространенных на юге и на востоке, исключает локализацию общеиндоевропейского в северной зоне. Обилие терминов, обозначающих горы и скалы, плохо согласовалось бы с давно предложенным приурочением к Северному Причерноморью с характерным для него равнинным ландшафтом. Этой же локализации, как и альтернативной, относящей прародину к побережью Северного или Балтийского моря, противоречит и отсутствие общего термина для 'моря'.

5. Особое значение для локализации общеиндоевропейского в юго-восточной области (Передняя Азия и север Иранского нагорья) приобретает лексические данные, свидетельствующие о контактах общеиндоевропейского с языковыми и культурными традициями ближневосточного и центральноазиатского ареала. Здесь в первую очередь следует привести выделяемый в общеиндоевропейском слое семитских заимствований (В.М.Иллич-Свитыч). В этом же направлении можно искать объяснения черт структурного сходства общеиндоевропейского с картвельским при наличии целого пласта заимствованной индоевропейской лексики в картвельском. Любопытно также наличие индоевропейских слов (не хеттских) в хаттском: хат. *aya*, *yaaya* - 'давать': хет. *p-ai*, тох. *ai*-, хат. *urai* 'источник', *u-ri-e-it* 'богиня вод и источников': др.-инд. *vārī* 'вода', др.-исл. *vari*. В эламском также выделяются отдельные слова (*luk* - 'огонь'), заимствованные из общеиндоевропейского (ср. недавнюю работу Б.Розенкранца), но не из хеттского (в отличие от ряда других хетто-эламских изоглосс). Особый интерес для определения восточных границ территории раннего расселения носителей индоевропейских диалектов представляют такие центрально-азиатские заимствования, как проникновение индоевропейского названия 'собака' только с этим вторичным значением (в отличие от более древнего 'собака, волк', отраженного в др.-ирл. *sí*, ср. также указанные В.М.Иллич-Свитычем уральские и семито-хамитские параллели) в общекитайский.

6. Вслед за такими учеными, как Чайлд, целесообразно связать проблему миграций носителей индоевропейских диалектов с проблемой появления колесных повозок и путей их распространения на Ближнем Востоке и на Кавказе. Распространение колесницы с юго-востока на северо-запад, хорошо документированные благодаря находкам двух последних десятилетий, совпадает с предполагаемыми путями миграции части индоевропейских племен из первоначальной области расселения на Ближнем Востоке и, возможно, Центральной Азии. Точки обнаружения колесниц свидетельствуют об их диффузии из первоначальных очагов возникновения, которые были связаны с металлургией меди в ареале, расположенном в Передней Азии (ср. Чайлд). Появление колесниц можно рассматривать как переворот в транспорте, сделавший возможным

такие миграции широкого масштаба, которые характерны для индоевропейцев. Именно колесницы (4-колесная с впряженными в нее быками, затем 2-колесная с впряженными в нее конями) с множеством деталей упряжи лексически и семантически удостоверяются для индоевропейского и отдельных древних диалектов. Сопоставление с индо-иранскими данными особенно поучительно по отношению к бронзовым моделям боевых колесниц, найденных в Лчашене (около XIV в. до н.э.); в кузове каждой из них стоят два воина, соответствующие др.-инд. *rathe-sthā* 'стоящий на колеснице', авест. *raθae-štā*. Этимологическое объяснение параллельного вед. *vandhure-sthā* из корня **ϥendh-* 'плести' (гот. *wandus*) — др.-инд. **vandhú* 'плетенье из прутьев' подтверждается тем, что найденные в Лчашене древние повозки имеют кузов (как и крытую его часть), сплетенный из прутьев. Сопоставление с колесницами, найденными на Кавказе, подтверждает и предложенную Хертелем реконструкцию семантики др.-инд. *vimāna* как древнего 'дома-дворца на колесах', позднее сохранившегося только в качестве мифологического образа, ср. подтверждения этой гипотезы в скифской и других индо-иранских традициях.

7. При допущении территории индоевропейской прародины, хронологически и пространственно совпадающей с областью куро-аракской культуры (Восточная Анатолия, Южный Кавказ, север Иранского плоскогорья) можно легче объяснить историческое распределение и пути переселения таких основных древних индоевропейских этнических групп, которые первыми выступают в древнейших письменных текстах: хеттов, арийцев и греков (крито-микенских греков и Аххиявы хеттских текстов). Для определения путей их переселения в исторические места жительства не нужно предполагать, что они покрыли большие расстояния, двигаясь из области первоначального расселения. Достаточно допустить лишь небольшое смещение по отношению к этой области. Примечательно, что языки, которые предполагают минимальное смещение относительно этого ареала, являются древнейшими документально фиксированными индоевропейскими языками.

8. Особое значение для установления древнейшей территории расселения индоевропейских племен имеет недавно выявленный индоевропейский характер анатолийской гидронимии (Розенкранц). Следует разграничить раннеиндоевропейские (в том числе позднее существующие в хеттской передаче) и хеттские названия рек. Но даже если бы все эти гидронимы оказались анатолийскими, то тем самым был бы снят вопрос о приходе хеттов откуда-то издалека на территорию, заселенную неиндоевропейскими племенами. Смещение общеанатолийского по отношению к первоначальному ареалу распространения общеиндоевропейского языка было сравнительно небольшим. Этим и объясняется исключительная архаичность, как и древность письменной фиксации анатолийских языков, в частности, клинописного хеттского. Движение хеттов с севера на юг и с востока на запад в начале исторического периода может быть предположено на основании данных хеттских текстов (Зоммер). Первоначальное более северное расположение анатолийских языков вытекает из наличия отдельных слов и названий, заимствованных из хеттского или другого анатолийского

языка в языки Южного Кавказа, в частности, урартский, а также в некоторые картвельские языки.

9. Если предположить, что миграция носителей греческих диалектов (предшествовавшая нашествию дорийцев, видимо, ранее отколовшихся от основной волны переселения и временно обосновавшихся севернее на Балканах) осуществлялось через Малую Азию, то следы этих ранних переселений можно обнаружить в древнейших данных о греках в Милете и Аххияве. Все традиционные трудности, связывавшиеся с Аххиявой (см. Зоммер), объясняются предвзятой точкой зрения, согласно которой для греков исконным было поселение на Пелопонесе. Принятие же гипотезы об их переселении через Малую Азию, где они частично могли надолго обосноваться, снимает эти трудности. Эта гипотеза хорошо согласуется с другими уже установленными ближневосточными связями греческого языка и культурной традиции (в частности, мифологии).

10. Предполагается сравнительно небольшое смещение армянского при допущении обитания праармян в исторической Хайасе (ср. Капанцян). Отсюда они в дальнейшем распространяются в исторической Армении, наслаиваясь на урартский субстрат.

11. На основании таких надежных арийских терминов, как *aika-gartana* 'один поворот' (др.-инд. *eka-vṛt-* 'единственный' в "Атхар-ваведе", *eka-vṛtta-maya* 'сочиненное в одном и том же размере', ассамск. *eṭā<*eka-urṭta-*), удостоверяется древность арийских элементов на Ближнем Востоке уже к середине II тысячелетия до н.э. Взаимодействие арийцев и хурритов можно рассматривать как первый исторически засвидетельствованный случай контактов индоевропейского языка с неиндоевропейскими, хронологически и пространственно близкий к предполагаемому общеиндоевропейскому ареалу.

12. Восточная окраина индоевропейского диалектного ареала – северная часть Иранского плоскогорья – и должна была быть диалектным ареалом индо-арийского. Отсюда через Афганистан (ср. следы промежуточных этапов миграции в дардских языках) первые волны арийцев прошли в Индию, ср. мифологические представления о 'востоке' – 'вперед', 'западе' – 'назад', 'слева' – 'север', 'справа' – 'юг'. Для западно-иранских языков движение на юг с северной части Иранского плоскогорья исторически засвидетельствовано. Следы первоначального движения на юг видны в названиях типа *paurva* 'юг' – 'вперед' в "Авесте" при позднейшей локализации авестийского в Хорезме (Зран-Вэж). То, что восточные иранцы сравнительно долго оставались на первоначальной территории, объясняет наличие в их диалектах ряда слов и выражений, близких по значению к общеиндоевропейским. Дальнейшие миграции восточных иранцев через Центральную Азию и северные прикаспийские степи к Северному Кавказу и Крыму согласуются с археологическими данными о близости крымских скифов и горно-алтайских скифов.

13. Иранские, в особенности скифские, переселения могут служить хорошим примером дальних миграций индоевропейцев на запад по восточному пути. Именно такой путь предполагается для более раннего

времени для западных индоевропейских языков — кельто-италийских, иллирийских, германских, балто-славянских. Все эти языки обнаруживают ряд изоглосс, общих с тохарским, что весьма трудно объяснить без допущения совместных миграций этих языков с тохарским. Тохары из Центральной Азии направляются на Восток (первые китайские заимствования из тохарского датируются 3 в. до н.э.). Остальные западные языки направляются через Центральную Азию в западном направлении в Европу. Этим объясняются некоторые лексические связи западной группы индоевропейских языков с алтайскими (**mor-k-* 'конь' в германском и кельтском). При таком допущении понятны и многочисленные индо-иранско-кельто-италийские изоглоссы.

14. Тем самым для западных языков общим исходным ареалом распространения (хотя и вторичным) можно считать область Северного Причерноморья (ср. Шрадер). Старая теория, локализующая в этой области прародину индоевропейцев, принимает в таком освещении новый смысл как прародина для западной группы индоевропейских языков (характерно, что она была высказана до обнаружения отмеченных выше трех древнейших письменных фиксаций индоевропейских языков). Этот временный ареал совместного обитания всех западных индоевропейцев мог служить областью, где двигались различные миграционные волны этих диалектов и формировались вторичные изоглоссы, наложившиеся на старые изоглоссы, объединяющие эти языки с языками, оставшимися на востоке.